
ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(476)

ГОРОДЕЛЬСКАЯ УНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. КОЗЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируются достижения современной историографии в изучении роли и значения Городельской унии 1413 г. при формировании шляхетского сословия Великого княжества Литовского. Определены основные сюжеты научных исследований польских, литовских, белорусских, украинских и российских историков. Акцентируется внимание на том, что данные сюжеты, как правило, не являются самостоятельной историографической проблемой и выступают как часть более широкой исследовательской дискуссии о причинах и итогах унии 1413 г. в системе взаимоотношений Великого княжества Литовского и Польского королевства. В заключении отмечается, что, несмотря на расхождения в трактовке ряда частных вопросов, исследователи в целом солидарны в утверждении, что акты Городельской унии и гербовая адопция как по своему содержанию, так и по последствиям – одни из ключевых этапов в процессе формирования шляхты Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: шляхта; бояре; Великое княжество Литовское; Польское королевство; Городельская уния 1413 г.; гербовая адопция; историография.

Образец цитирования:

Козловская НВ. Городельская уния и формирование шляхты Великого княжества Литовского в оценке современной историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:61–73.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-61-73>

For citation:

Kozlovskaya NV. Horodlo Union and the formation of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the assessment of contemporary historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:61–73. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-61-73>

Автор:

Наталья Владимировна Козловская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Natalia V. Kozlovskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.
n.kozlovskaya@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-3317-722X>

ГАРАДЗЕЛЬСКАЯ УНІЯ І ФАРМІРАВАННЕ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў АЦЭНЦЫ СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Н. У. КАЗЛОЎСКАЯ^{1*}

^{1*} Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Аналізуюцца дасягненні сучаснай гістарыяграфіі ў вывучэнні ролі і значэння Гарадзельскай уніі 1413 г. пры фарміраванні шляхецкага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага. Вызначаны асноўныя сюжэты навуковых даследаванняў польскіх, літоўскіх, беларускіх, украінскіх і расійскіх гісторыкаў. Акцэнтуюцца ўвага на тым, што дадзеныя сюжэты, як правіла, не з'яўляюцца самастойнай гістарыяграфічнай праблемай і выступаюць як частка больш шырокай даследчай дыскусіі аб прычынах і выніках уніі 1413 г. у сістэме ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства. У заключэнні адзначаецца, што, нягледзячы на разыходжанні ў трактоўцы шэрагу прыватных пытанняў, даследчыкі ў цэлым салідарныя ў сцвярджэнні, што акты Гарадзельскай уніі 1413 г. і гербавая адопцыя як па сваім змесце, так і па наступствах – адны з ключавых этапаў у працэсе фарміравання шляхты Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: шляхта; баяры; Вялікае Княства Літоўскае; Польскае каралеўства; Гарадзельская унія 1413 г.; гербавая адопцыя; гістарыяграфія.

HORODLO UNION AND THE FORMATION OF THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE ASSESSMENT OF CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

N. V. KOZLOVSKAYA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article analyses achievements of contemporary historiography in the study of the role and significance of the Gorodel Union of 1413 in the formation of the gentry class of the Grand Duchy of Lithuania. The key subjects of scientific research of Polish, Lithuanian, Belarusian, Ukrainian and Russian historians are identified. It is emphasised that these subjects, as a rule, are not an independent historiographical problem and act as part of a broader research discussion about the causes and results of the Union of 1413 in the system of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland. In conclusion, it is noted that despite the differences in the interpretation of a number of specific issues, researchers generally agree in the statement that the acts of the Gorodel Union and the heraldic adoption, both in their content and in their consequences, are one of the key stages in the process of forming the nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: nobility; boyars; Grand Duchy of Lithuania; Kingdom of Poland; Union of Horodlo; heraldic adoption; historiography.

Введение

2 октября 1413 г. в замке Городло Великое княжество Литовское и Польское королевство заключили акт, вошедший в историю как Городельская уния. На протяжении не полных тридцати лет это было третье соглашение, подписанное двумя сторонами: в 1385 г. была заключена Кревская уния, в 1401 г. – Виленско-Радомская.

Городельская уния – событие многогранное, имеет обширную и давнюю историографическую традицию, характеризуется дискуссионностью, наличием разных, зачастую диаметрально противоположных точек зрения [1; 2]. Всесторонний анализ существующих в историографии XIX–XX вв. подходов (прежде всего польской и литовской историографии) по ключевым вопросам заключения унии, ее роли и значения в двусторонних польско-литовских отношениях представил польский историк Гжегож

Блащик в монографии [3]. В белорусской историографии общий обзор традиционных подходов к оценке гербовой адопции 1413 г. содержится в работах нашего соотечественника – исследователя Алексея Шаланды [4; 5].

Цель настоящего исследования – рассмотреть и проанализировать подходы современной историографии к оценке роли унии 1413 г. в формировании шляхетского сословия ВКЛ. Вне поля изучения автора статьи остаются причины подписания унии, ее содержание и результаты в общем контексте польско-литовских отношений конца XIV–XVI в.

Современная историография рассматриваемой проблемы представлена рядом самостоятельных научных школ, сформировавшихся в рамках национальных историографий Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины в 1990–2020-х гг.

Результаты и их обсуждение

В 1413 г. при заключении унии польской и литовской стороной были выданы следующие документы: акт польской шляхты, которая принимала в гербовое братство 47 литовских бояр; ответный акт литовского боярства (Г. Блащик охарактеризовал данный акт как *stosunkowo ubogi w treść*¹ [3, s. 381]); общий документ правителей – польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта, подготовленный в двух экземплярах для польской и литовской стороны соответственно, в котором излагались условия унии и перечислялись права, предоставляемые литовскому боярству. Исследователи, как правило, указывают, что документов было три [3, s. 376], российский историк Сергей Полехов пишет о четырех документах [6, с. 243].

Городельский привилей 1413 г. был вторым после привилея 1387 г. документом, в котором зафиксированы права и обязанности литовского боярства [6, с. 249]. В соответствии с привилеем 1413 г. шляхта и бояре ВКЛ получали широкие права в политической (занимать должности, принимать участие в сеймах и съездах) и экономической (свободно распоряжаться имуществом) сферах, права личного характера (свободно вступать в брак с лицами католической веры) и тем самым становились «равными» в правах с панам и шляхтой Польского королевства [7, s. 44–46]. Бояре и шляхта были обязаны строить замки, принимать участие в военных походах и уплачивать дань в соответствии с обычаями. Все права гарантировались шляхте и боярству католического вероисповедания, получившим польские шляхетские гербы в результате адопции [7, s. 46–47]. Г. Блащик обращает внимание на то, что впервые в документах 1413 г. по отношению к литовскому боярству был использован термин «шляхта» [3, s. 379].

Классическим изданием документов унии считается публикация 1932 г. под редакцией польских исследователей Владислава Семковича и Станислава Кутшебы [8].

Подробная характеристика родов литовского боярства, охваченных адопцией 1413 г., представлена В. Семковичем в статьях в журнале «Miesięcznik Heraldyczny» за 1913–1930 гг. (репринт в журнале «Lituanio-Slavica Posnaniensia. Studia Historica» за 1989 г.) [9, s. 7–139].

В 2013 г. к 600-летию унии польскими и литовскими историками было подготовлено новое издание городельских актов под редакцией Лидии Корчак и Юрате Кяупене [7]. Юбилейная дата в определенной степени содействовала проведению ряда научных конференций и тем самым актуализировала исследовательский интерес к истории Городельской унии 1413 г. и проблеме гербовой адопции [10; 11].

В историографии проблематики дискуссии ведутся по ряду сюжетов.

Ключевую позицию занимает вопрос об инициаторе унии и гербовой адопции. Большинство исследователей считают, что инициатива исходила от польского короля Владислава Ягайло.

По мнению польского историка Анны Сохацкой, Ягайло был заинтересован в сближении Польши и Литвы [12, s. 136]. Автор делает ряд предположений насчет того, какие цели он мог преследовать, но заинтересованность короля в унификации общественно-политических систем двух государств не вызывает сомнения: об этом свидетельствуют введение должностей воевод и каштелянов и утверждение великокняжеской рады [12, s. 136]. А. Сохацкая полагает, что великий князь литовский Витовт скорее не был заинтересован в рецепции польских институтов, поэтому его не следует рассматривать как инициатора адопции [12, s. 135]. Польский король, в свою очередь, заручился в данном вопросе поддержкой Витовта, а также своего ближайшего окружения, средней шляхты и части представителей высших аристократических родов. Основная же масса польской аристократии идею адопции не поддержала, и этим можно объяснить отсутствие печатей высших должностных лиц Польского королевства на документах унии [12, s. 138].

Исследователь Г. Блащик также склонен считать, что, исходя из династических интересов, Владислав Ягайло был заинтересован и в унии, и в адопции в большей степени, чем Витовт, но согласие последнего в данных вопросах также было важным [3, s. 376, 389–390].

Иную точку зрения отстаивает польский историк Мария Кочерская. Исследователь утверждает, что идея адопции родилась в кругах польских панов, а именно среди должностных лиц канцелярии королевской, и была поддержана королем [13, s. 268]. По мнению М. Кочерской, идейным вдохновителем адопции выступал архиепископ Гнезненский Николай Тромба [13, s. 270]. Все четыре документа, опубликованные в Городло, – «продукт канцелярии королевской» [13, s. 280].

Следующая проблема касается вопроса, кто отбирал литовских бояр для адопции. Исследователи единогласны в том, что представителей литовского боярства определял великий князь литовский Витовт с согласия короля польского [3, s. 389; 14, s. 155]. М. Кочерская уточняет, что бояре, выбранные Витовтом, выразили свое согласие на адопцию в польское гербовое братство, о чем свидетельствует документ, выставленный панам литовскими [13, s. 271].

Польский исследователь Ян Вронишевский, апеллируя к документу, в котором записано, что бояр от-

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. К.

бирал Витовт с согласия Ягайло, считает, что данные слова нужно воспринимать дословно [14, s. 155]. Изучив процедуру прикрепления печатей к документам унии, Я. Вронишевский пришел к выводу, что литовское боярство знало, какие конкретно польские роды принимают их в свои гербовые братства, а поэтому печати с гербами были подготовлены заранее.

Точки зрения, что Витовт, руководствуясь своими политическими интересами, выбирал бояр для adopции, придерживается и А. Шаланда [4, с. 43]. Историк разделяет суждение польского ученого Оскара Халецкого, что часть литвинов имели польские гербы еще до подписания Городельской унии. По мнению А. Шаланды, в основу выбора были положены два критерия: католическое вероисповедание и наличие у отдельных представителей литовского боярства польских шляхетских гербов. Последний факт, в свою очередь, подтверждал существование тесных контактов и родственных связей между польской шляхтой и литовским боярством [4, с. 43]. Через объединение шляхты Польши и боярства ВКЛ Витовт и Ягайло планировали достичь определенных политических целей, а именно решения династического вопроса и сохранения власти в объединенных унией государствах. В Городельском привилее в первую очередь подчеркивались не столько социально-правовые, сколько политические аспекты принятия польских шляхетских гербов [5, с. 119].

Британский исследователь Роберт Фрост, один из ведущих специалистов по истории ВКЛ, также склонен полагать, что Витовт, отбирая литовские боярские роды для adopции, преследовал свои политические цели и рассчитывал тем самым заручиться их поддержкой для укрепления собственных позиций [15, p. 115].

Дискуссионным в историографии считается вопрос о том, какой характер носила adopция – родовой или семейный, другими словами, как литовское боярство «входило» в гербовое братство – родами или семьями.

Особой точки зрения по данной проблеме придерживается А. Сохацкая и утверждает, что adopция носила семейный характер. В своих аргументах историк исходит из того, что в начале XV в. значение рода уменьшается, а значение семьи, напротив, возрастает. Этим, по ее мнению, можно объяснить, почему в герб Лелива воеводу виленского Монивида принимала и свою печать к документу прикрепила польская шляхтянка Ядвига из Лежениц, а не воевода краковский Ян из Тарнова – представитель высших политических кругов Польского королевства [12, p. 136]. И напротив, если бы adopция носила родовой характер, то тогда было бы логичным, чтобы поддержка литовскому боярству оказывалась со стороны представителей крупнейших польских родов [12, s. 137]. А. Сохацкая делает предположение, что

при подборе семей для adopции учитывались уже существующие родственные и персональные связи представителей польской шляхты и литовского боярства, а также их лояльность по отношению к королю.

Большинство историков видят в adopции родовой характер [13, s. 269–270; 14, s. 156; 16, s. 218–220]. В частности, данной позиции придерживается литовский историк Эдмундас Римша. Автор пишет, что польская и литовская сторона, равно как и составители городельских актов, заранее были уведомлены о том, что конкретные польские роды адаптируют определенные литовские роды, и обращает внимание на тот факт, что в отдельных случаях при «опечатавании» польских и литовских документов печати прикрепили или только представитель польского рода, или только литовского. Так, герб рода Задора при польских и литовских документах презентовала печать литовского боярина Явнута Волимунтовича [16, s. 218]. По мнению исследователя, здесь возникает два вопроса, ответы на которые могут дать дополнительные изыскания, а именно: успели или нет организаторы унии изготовить печати, особенно что касается литовского боярства, и присутствовали или нет представители рода с одной и другой стороны непосредственно в Городло в 1413 г.

Родовой характер adopции объясняет также, по мнению Э. Римши, почему и с польской, и с литовской стороны в данном процессе принимали участие как представители высших элитарных слоев, так и лица, стоявшие на более низких ступенях общественной иерархии [16, s. 220]. Подтверждением вышесказанного Э. Римша считает пример все с той же Ядвигой из Лежениц и Войтехом Монивидом, когда не индивид, а именно род имел важное значение. Документы свидетельствуют, что польские гербы предназначались именно для литовских родов независимо от того, кто представлял данный род в Городло.

Таким образом, один и тот же сюжет диаметрально противоположно трактуется исследователями. Доступные источники, во-первых, не позволяют в деталях изучить, как была организована «техническая» сторона самой процедуры adopции, а во-вторых, они не раскрывают истинные цели, которые преследовали инициаторы и участники данного процесса [17, s. 57]. Поэтому стоит согласиться с мнением М. Кочерской, что мы можем только предположить, как долго готовилась гербовая adopция и сколько людей было задействовано в ее реализации [13, s. 272].

Не согласен с утверждением А. Сохацкой о семейном характере adopции и Я. Вронишевский. С его точки зрения, начало XV в. – это как раз апогей значения шляхетского рода [14, s. 156]. По мнению историка, adopция носила родовой характер

и каждый род польский принимал род литовский, так, по крайней мере, следует из текста документа. Однако из-за отсутствия родовых печатей их функции выполняли печати отдельных представителей рода. По утверждению Г. Блашика, данная проблема далека от своего решения и исследование родов, принимавших участие в унии как с польской, так и литовской стороны, является перспективным направлением будущих изысканий [3, s. 395, 413].

Современные исследователи ставят под сомнение устоявшееся в польской и литовской историографии суждение, что со стороны ВКЛ в гербовой адапции принимали участие представители ведущих литовских родов [3, s. 392].

Особая точка зрения в свое время была высказана литовским историком Эгидиюсом Банионисом. Проанализировав международные договоры конца XIV – начала XV в., скрепленные подписями свидетелей данных актов и лиц, которые сопровождали великого князя литовского, Э. Банионис отмечал, что имена 17 литовских бояр в разном сочетании встречаются в ряде актов рассматриваемого периода. Это были люди из ближайшего окружения, боярская верхушка, наместники, которые в обязательном порядке сопровождали великого князя [18, с. 143]. Соответственно, из представителей литовских родов, принявших участие в гербовой адапции, 17 не отбирались «специально», а присутствовали по долгу службы. Всех бояр, фигурировавших в Городло в 1413 г., историк разделил на пять групп и в итоге пришел к выводу: во-первых, литовская делегация состояла из свиты Витовта, что было обычной практикой для такой дипломатической миссии, и, во-вторых, торжественная церемония заранее не планировалась [18, с. 144].

И если вопрос о церемонии, ее протокольной части, остается открытым, то печати, которые были изготовлены заранее, свидетельствуют о том, что подготовка к акту адапции все-таки велась заблаговременно. И здесь аргументы М. Кочерской выглядят более убедительно. Представляется, что никто не препятствовал великому князю предложить для гербовой адапции людей, которые всегда или почти всегда сопровождали его в международных переговорах, т. е. его ближайшее окружение, куда априори входили лица разного социального статуса.

Исследователь Г. Блашик не согласен с Э. Банионисом и считает его аргументы спорными. В документах унии записано, что Витовт выбрал литовских бояр для адапции с согласия польского короля. По мнению польского историка, окружение Витовта включало политическую элиту княжества, высших должностных лиц, и это не была группа случайных лиц [3, s. 392–393]. Г. Блашик также обращает внимание на тот факт, что адапция охватила выходцев с территории собственно Литвы (позже Виленское и Троцкое воеводства).

На этом моменте заостряет свой взгляд и Э. Римша. Он пишет, что большинство литовских боярских родов, попавших под адапцию, происходили из Виленского, Ошмянского или Лидского (после административной реформы в середине XVI в.) поветов, несколько родов – из бывшего Троцкого княжества. Данные территории частично входили в состав собственно Литвы (в узком значении) [16, s. 236]. Внимание заслуживает и тот факт, что значительная часть наследственных владений участников городского акта находились в непосредственной близости от центров католицизма – Вильно, Ковно, Крево, Старых и Новых Троков, Ошмян, Геранён и др. [16, s. 236–237].

По мнению Э. Римши, литовское боярство в Городло было представлено людьми разного социального статуса: представителями знати, занимавшими высшие государственные должности, и малоизвестными деятелями. Однозначно, это были представители не только литовской магнатории, что не подтверждено ни детальным изучением персоналий, ни новейшими исследованиями [16, s. 237]. Опираясь на результаты изучения политической элиты ВКЛ польского историка Е. Сухоцкого, Рады ВКЛ XV в. Л. Корчак, литовской знати периода XIV–XV вв. Римвидаса Петраускаса, Э. Римша в целом приходит к утверждению, что из 47 принятых в Городло гербов в XV в. «прижились» и получили достаточно широкое распространение те гербы (это примерно четверть, в лучшем случае треть), которые были приняты представителями наиболее влиятельных и, что особенно важно, многочисленных родов. Последний фактор содействовал распространению гербов среди родов менее влиятельных, но в последующий период поднявшихся по иерархической лестнице [16, s. 237–238]. Исследователь возвращается к точке зрения Э. Баниониса по данной проблеме и соглашается с утверждением ученого, что это была свита и двор, но ставит под сомнение вопрос о готовности к акту [16, s. 239]. Историк считает, что значение имеет не то, как эту группу назвать – свита, двор или просто люди из окружения великого князя, а то, что по своему социальному составу она была неоднородная и включала не только представителей ведущих родов литовского боярства. Так много знатных родов в XV в. на территории собственно Литвы не было.

Отдельно Э. Римша заостряет внимание на вопросе участия или неучастия в событиях 1413 г. князей ВКЛ. По его мнению, князья не принимали участия в этих событиях: не было не только Гедиминовичей, но и представителей других, более мелких родов, входивших тем не менее в круг правящей элиты [16, s. 232]. Составляя особую страту в княжестве, князья рассматривали братание с польской шляхтой, пусть и гербовой, как унижение [16, s. 233]. Но даже если предположить, что князья выразили

согласие на братание с поляками, они не могли этого сделать из-за конфессиональных ограничений акта 1413 г., ибо в это время практически все, даже большая часть Гедиминовичей, проживавших на русских землях, были православными.

С историей Городельской унии связана развернувшаяся в историографии дискуссия по вопросу наличия либо отсутствия гербов у литовского боярства до 1413 г. и, соответственно, о значении гербовой адопции в становлении шляхетского сословия ВКЛ и развитии шляхетской геральдики.

Как считает Г. Блащик, ответ на вопрос: «Были ли гербы в ВКЛ до адопции?» – важен для понимания роли Польши в данном процессе [3, s. 414]. По мнению исследователя, если исходить из общеевропейского понимания герба как символа привилегированного сословия, то в этом значении до 1413 г. в ВКЛ гербов не было [3, s. 414].

С точки зрения М. Кочерской, акт включения литовских бояр в польские геральдические роды объясняется необходимостью должного представительства боярства среди западноевропейского рыцарства, неотъемлемым атрибутом которого выступал герб [13, s. 271]. Знаки же, которые использовали литовские бояре, не соответствовали европейским стандартам. Историк констатирует, что целью городельской адопции было включение литвинов в польскую геральдическую систему, и эта цель была достигнута [13, s. 273].

В свое время украинский историк Наталья Яковенко писала, что в ВКЛ гербовой традиции ни в европейском, ни в польском контексте не было, но и Городельский акт 1413 г. не заложил основы данной традиции [19, с. 53]. Н. Яковенко отмечала, что правовое оформление шляхетского сословия в ВКЛ проходило без фиксации его внешней эмблематики и до Люблинской унии основная масса белорусской и украинской шляхты к польскому гербовому братству не принадлежала и, соответственно, польскими гербами не пользовалась [19, с. 52]. Применение печатей представителями княжеских родов отмечается начиная с XIV в., а боярством, в частности галицко-волинским, – с 1330-х гг., но это, по мнению Н. Яковенко, не может служить аргументом, что их не было раньше [19, с. 52].

По утверждению Э. Римши, гербы, принятые литовским боярством, не имели такого значения, как в Польском королевстве [16, s. 246]. В ВКЛ значение герба было близко к западноевропейскому, где герб, как личный знак, принадлежал человеку и семье, а не представителям гербового рода, что, напротив, было характерно для польской стороны [16, s. 242–243]. Наличие герба и принадлежность к гербовому братству не были аргументом при доказательстве шляхетства – судебная практика ВКЛ знает лишь единичные случаи [16, s. 243]. Куда более значимыми в таких вопросах были либо письмен-

ные документы, например жалованные грамоты великих князей, либо свидетельства представителей шляхты. В ВКЛ наличие герба не указывало на особую «элитарность» ее владельца [16, s. 244–245].

Исследователь признает, что в ВКЛ из-за неразвитости института рыцарства и рыцарской культуры, слабых геральдических традиций, особой правовой культуры не получили должного развития и гербы местного происхождения [16, s. 246]. Единственным способом демонстрации герба выступали печати, но их использовали, как правило, только князья и лица, связанные с великокняжеским двором и занимавшие высокие статусные позиции в обществе. Э. Римша также обращает внимание на то, что в первой половине XVI в., когда Городельский привилей, отредактированный еще в XV в., был вписан в Литовскую метрику, из его текста были удалены практически все утверждения, понижающие (*deprecjonujące*) великих князей литовских и шляхту ВКЛ [16, s. 247–248]. Точку в данном вопросе, как считает историк, поставил привилей Сигизмунда Августа от 1563 г., который расширил права и вольности на всю шляхту ВКЛ [16, s. 249].

Мнение о том, что в ВКЛ, несмотря на гербовое братание 1413 г. в Городло, гербовые роды не получили такого развития, как в Польском королевстве, высказывает литовский историк Р. Петраускас [20, с. 23]. В монографии по истории формирования литовской знати исследователь обосновывает идею ее родового характера и отмечает значение рода в социальной структуре общества XIV–XV вв. Это род, который строился в первую очередь на кровных узах и родственных связях, а также включал тех, кто был связан с его представителями широкими узами свояченичества, в том числе и посредством брака [20, с. 105–118, 210].

Исследователь делает интересное утверждение, что процедура адопции основывалась на недоразумении и не учитывала, что такое род в Литве и Польше. Геральдический род в Польше был важной частью социальной структуры, определял связи внутри сословия и мировоззренческие установки его членов. В ВКЛ гербовых родов не существовало, а структуру рода среди знати составляли родственные и матримониальные связи. На их основе строились особые кланы из лиц более или менее близкого социального окружения, поэтому гербовой адопции было недостаточно для создания «солидарной общности» [21, s. 485].

По мнению Р. Петраускаса, уния 1413 г. и гербовое братание были призваны содействовать развитию персональных связей между литовскими боярами и польской шляхтой. Признавая тот факт, что в результате адопции литовское боярство стало частью гербового братства, исследователь вместе с тем ставит под сомнение тесные контакты между литовской и польской стороной [21, s. 484].

Активизация отношений литовской знати и польской шляхты, как полагает исследователь, происходит значительно позднее – лишь в конце XV в. [21, s. 488]. Литовский историк также считает недостаточно обоснованной утвердившуюся в историографии точку зрения, согласно которой польское институциональное влияние и получение гербов в Городло имели решающее значение для обособления литовской знати из широкой массы боярства [20, с. 56]. Характеризуя содержательную сторону формирования литовской знати, Р. Петраускас отмечает роль стран-соседей и европейского влияния в целом на данный процесс [20, с. 23–24].

Польский исследователь Я. Вронишевский обращает внимание на то, что в Городло литовские бояре уже имели печати с польскими гербами, и делает вывод, что к унии готовились заранее [22, s. 90]. Городельская уния, по его мнению, это вершина прежних отношений и связей. Посредством адопции идеологи унии рассчитывали создать монолитный по вере и равный в правах и привилегиях элитарный слой двух государств [22, s. 91].

Рассматривая события 1413 г. в Городло, Я. Вронишевский призывает посмотреть на них сквозь призму формирования шляхетского сословия в Польском королевстве, где важную роль играли гербы [22, s. 99]. Герб давал права и привилегии, подчеркивал особый статус его владельца. Практика знала разные способы получения герба и вхождения в гербовое родство. Один из них – побратимство (*pobratymstwo*), или «принятие в род», – был взят за основу при осуществлении Городельской унии [22, s. 100]. Именно в категориях побратимства – установления тесных социальных и общественных связей, – как считает исследователь, следует рассматривать утвердившееся в польской историографии понятие гербовой адопции [22, s. 101]. Городельская адопция имела преимущества перед нобилизацией и вела к интеграции элитарных кругов, создавая искусственные генеалогические роды, которые воспринимались как реальные польско-литовские роды [22, s. 102]. Позднее данная форма использовалась для уравнивания прав православной и католической шляхты ВКЛ, когда католическая шляхта принимала русское боярство в свое гербовое братство, однако в источниках об этом нет сведений [22, s. 103].

По мнению Я. Вронишевского, уравнивание в правах литовской и польской шляхты не было целью гербовой адопции [22, s. 92]. Широкий круг прав был гарантирован литовскому боярству еще привилеем 1387 г., монарший документ 1413 г. фактически повторил эти права. Поэтому историк считает, что получение гербов не следует рассматривать как условие получения этих прав. Хотя формально условия адопции гарантировали доступ к политическим правам только боярам-католикам, получившим польские

гербы [22, s. 92]. Я. Вронишевский считает, что в давней дискуссии В. Семковича и О. Халецкого о статусе литовского боярства в той или иной степени правы были оба исследователя [22, s. 93].

О том, что литовское боярство имело определенный правовой статус еще с привилея 1387 г., а Городельский привилей только расширил эти права, пишет А. Шаланда. Поэтому гербы не следует рассматривать как знак принадлежности к шляхетскому сословию, они лишь свидетельствовали о вхождении литовского боярства в гербовое братство и польские гербовые роды [4, с. 44]. Городельский привилей расширил права и вольности литовского боярства, в то же время получение гербов было делом второстепенным. Именно этим, по мнению А. Шаланды, можно объяснить, почему бояре, прошедшие через адопцию, и их родственники использовали как польские гербы, так и личные знаки-клейны. В 1420–30-х гг. процесс геральдизации охватил в основном православную знать, что было вызвано дискриминационными пунктами Городельского привилея [4, с. 46]. В целом исследователь констатирует, что привилей 1413 г. ускорил процесс формирования шляхетского сословия ВКЛ, который растянулся до середины XVI в. [4, с. 45]. Издание привилея Сигизмунда Августа 1563 г. А. Шаланда объясняет «гербовым комплексом литвинов» [5, с. 123].

В «гербовой проблеме» отдельного внимания заслуживает сюжет о «гербовом разбратании» шляхты литовской и шляхты польской в первой половине XV в. Э. Римша упоминает о возврате гербов литовской стороной во время съезда в Парчове в 1453 г. [16, s. 248]. В интерпретации Хроники Быховца данные события рассматривает А. Шаланда [3, s. 119–122]. Достаточно аргументированным выглядит точка зрения украинского историка Олега Однороженко, что «разбратание» произошло в 1430-х гг. [23].

Роль и значение Городельской унии и гербовой адопции в формировании шляхетского сословия ВКЛ оцениваются современной историографией по-разному. По меткому утверждению Г. Блащика, Городельская уния остро обозначила «русскую проблему» в ВКЛ [3, s. 393]. Это была слабая сторона унии и причина последующих конфликтов между литвинами и русинами в ВКЛ. Окончательно данная проблема была решена в 1563–1568 гг., что позволяет говорить о длительном значении унии [3, s. 393].

О дискриминационном характере привилеев 1387 и 1413 гг. пишет Э. Римша. Историк считает, что эти постановления не содействовали интеграции великокняжеского общества [16, s. 230]. Привилеи 1432 и 1434 гг. не снизили напряженность в обществе. Прописанный в них механизм принятия в гербовые роды православной знати заранее был обречен на неудачу – его просто нельзя было осу-

ществить в реальной жизни. По мнению исследователя, документы XV в., равно как и XVI в., не дают ни одного примера принятия гербов по привилеям 1432 и 1434 гг. [16, с. 231].

С точки зрения Н. Яковенко, Городельский привилей 1413 г. резко размежевывал знать этнической Литвы и тесно связанных с ней северобелорусских земель от православных князей и бояр остальных белорусских и украинских земель, особенно в вопросе земских должностей [19, с. 37–38]. По мнению историка, закрепление за литовской аристократией доминирующего положения католического вероисповедания лишь подчеркнуло религиозные и этнические противоречия, которые к этому времени явственно назрели и опосредованно содействовали консолидации недовольных «украинско-белорусских элементов», отодвинутых с передовых политических позиций. Взрыв недовольства произошел в период династических войн в 1430-х гг., вынудив правящие круги ВКЛ идти на уступки знати, что было закреплено в привилеях 1432 и 1434 гг. [19, с. 38].

Российский исследователь С. Полехов, отталкиваясь от устоявшихся прежде всего в восточнославянских историографиях оценок Городельского привилея как акта, адресованного только принятым в гербовое братство литовцам-католикам и дискриминирующего православную знать, и утверждений, что русское население княжества начало воспринимать ВКЛ как «свое» государство лишь начиная с середины XV в., задает вопрос: насколько это верно? По его мнению, документы свидетельствуют, что после 1413 г. православные князья и бояре занимали ряд важнейших земских должностей в ВКЛ (например, родоначальник Ходкевичей – Ходко Юрьевич, который в 1422 г. был полоцким наместником) [6, с. 250]. Схожие примеры случались и позже, хотя, как признает С. Полехов, и не были многочисленными. Ограничения Городельского привилея касались лишь должностей виленских и трокских воевод и каштелянов и соблюдалась до начала XVI в. [4, с. 251]. В целом же политика Витовта и его преемников по отношению к русским землям ВКЛ строилась на практической основе и была направлена на политическую и социальную интеграцию данных областей в состав государства [6, с. 251]. Русины воспринимали ВКЛ и великого князя как «свое» государство и «своего господаря» соответственно, подтверждением чему служат события середины XV в. [6, с. 252]. С. Полехов считает, что интеграция русских земель в состав ВКЛ – не то же самое, что наделение знати этих земель сословными привилегиями [6, с. 252], поэтому в историографии вопрос о степени готовности общества ВКЛ к восприятию польских образцов в политической и правовой сферах остается открытым.

Украинский исследователь О. Однороженко ставит под сомнение, что литовское боярство, охвачен-

ное адопцией, было представлено только литвинами по происхождению. Историк приводит пример Ивана Немиры, который, будучи католиком по вероисповеданию, по происхождению был русином [24, с. 127]. О. Однороженко считает, что нельзя провести четкую грань, что все русины были православными, а литовцы – католиками [24, с. 128]. Вскоре после заключения унии представители православной элиты встречаются среди панов-рады (например, тот же Ходко Юрьевич или пан Зеновий Братошич). Печати, которыми они скрепили акт Мельненского соглашения 1422 г., были с изображениями самобытных русско-литовских гербов, отличавшихся от польских и не фигурировавших при городельской адопции. Не приняла польские гербы и часть панов-католиков. «Няўвага» к польским гербам и предписаниям акта 1413 г. о праве занимать должности только лицами католического вероисповедания проявлялась в реальной жизни как при Витовте, так и при его преемниках [24, с. 128].

На ограничительные рамки привилея 1413 г. обращает внимание и российский исследователь Михаил Кром. Он объясняет данный запрет «местным патриотизмом» и стремлением литовской знати сохранить за собой земские должности на территории этнической Литвы [25, с. 134]. В то же время у православной знати оставалась возможность занимать должности, не связанные с Троцким и Виленским воеводствами. По этой причине, по мнению М. Крома, нельзя согласиться с утверждением, что князья были полностью отстранены от управления государством [25, с. 135]. Что же касается удельного веса князей в раде, то он в целом соответствовал доле княжеского землевладения в общей структуре земельных владений ВКЛ, где доминировали литовские паны [25, с. 135]. В общем же позиции княжеской знати в политической системе ВКЛ были достаточно прочными [25, с. 136].

О «русской проблеме» как итоге принятия привилеев 1387 и 1413 гг. в контексте событий конца XIV – начала XV в. пишет и белорусский историк Павел Лойко (1958–2010) [26, с. 176–178]. Данная проблема ставила под угрозу «перспективное унитарное единство полиэтнического и поликонфессионального объединения», которым являлось Великое княжество Литовское. Если во времена Витовта привилеи фактически не действовали, то после его смерти, отмечает историк, «русский вопрос» определял все последующие события – гражданские войны 1430-х гг., мятеж Глинского 1508 г. и др. [26, с. 178–179].

Разделение боярства на две группы: католиков, получивших права и привилегии, и православных русинов (*Orthodox Ruthenian*), на которых данные привилегии не распространялись, – Р. Фрост считает одним из существенных недостатков Городельской унии [15, р. 120–121]. Вместе с тем, как пишет историк, успех ВКЛ во многом основан на перспективах взаимодействия этих двух страт, тем более что

представители православной элиты княжества, проживая в центральных районах Литвы, идентифицировали себя как часть великокняжеского общества и принимали самое деятельное участие по его защите. Их интеграция и лояльность имели разные уровни и ослабевали прямо пропорционально по мере удаления от Вильно. Принятие католической веры гарантировало доступ к правам, что Городельской унией и было закреплено [15, p. 120].

Анализируя итоги унии, М. Качерская обращает внимание на общеевропейское значение рассматриваемого события для боярства ВКЛ и отмечает, что полученные таким образом символы подтверждали принадлежность литовского боярства к привилегированному сословию и подчеркивали его высокий социальный статус в глазах западноевропейского рыцарства [13, s. 271]. Адопция, несомненно, содействовала сближению литовского боярства и польской шляхты [13, s. 284], открывала дорогу к проникновению западных стандартов (*okcydentalizacji*) в ВКЛ, к чему, собственно, княжество и стремилось [13, s. 272]. М. Качерская согласна с мнением польского историка Кшиштофа Петкевича, что до конца XV в. вся политическая элита ВКЛ рекрутировалась из родов, затронутых городельской адопцией [13, s. 273].

Подчеркивая должностной характер элиты (*elita urzędnicza*) ВКЛ, К. Петкевич отмечает, что первое поколение ее представителей состояло из литовских бояр – ближайшего окружения Витовта, выдвинувшихся из общей массы боярства благодаря городельской адопции и при участии Ягайло [27, s. 81]. На протяжении XV в. 35 высших должностных лиц ВКЛ – это потомки тех, кто был охвачен адопцией, их родственники или связанные с ними матримониальными связями люди [27, s. 83]. Именно данный круг лиц вместе со своим ближайшим окружением составлял аристократию ВКЛ.

Обращаясь к сюжету о роли унии в формировании должностной элиты княжества и магнатории ВКЛ, Г. Блащик солидарен в данном вопросе с К. Петкевичем [3, s. 387, 390, 416]. Историк констатирует, что шляхетское сословие появилось в Литве ни в 1387 г. (точка зрения О. Халецкого), ни в 1413 г. (как считал В. Семкович). Процесс формирования шляхетского сословия, по мнению исследователя, был длительным: начался до 1387 г. и завершился лишь в первой половине XVI в. В этом смысле привилеи 1387 и 1413 гг. следует рассматривать только как этапы процесса формирования шляхетского сословия, хотя и очень важные [3, s. 415]. Значимыми данные события были и для развития геральдики ВКЛ [3, s. 417].

На важность событий 1413 г. для шляхетского сословия ВКЛ обращает внимание и Р. Фрост [15, p. 115]. Именно Городельский привилей, по мнению исследователя, заложил правовые основы политических прав и свобод литовской католической элиты [15, p. 119]. Р. Фрост в определенной степени раз-

деляет точку зрения польского историка Г. Блащика о том, что привилеи 1387 и 1413 гг. не создавали литовскую боярскую элиту, а только сформировали базис для ее последующего развития [15, p. 297–298].

Анализируя итоги унии, Г. Блащик затрагивает актуальную для историографии проблему полонизации шляхты ВКЛ. Историк отмечает, что это был длительный и сложный процесс, растянувшийся на столетия, и призывает не рассматривать Городельскую унию как начало или результат данного процесса. Утверждение отдельных историков о полонизации через гербовую адопцию Г. Блащик описывает как «анахронизм чистой воды» [3, s. 424]. Исследователь признает, что полонизация имела место, но о ней можно говорить только применительно к XVI в.

Характеризуя современную литовскую историографию, Г. Блащик отмечает, что оценки литовских коллег стали более взвешенными и умеренными [3, s. 422]. Вместе с тем, по его мнению, литовские исследователи переоценивают значение унии, особенно гербовой адопции, считая события 1413 г. переломными [3, s. 422].

Общая оценка современной литовской историографии Городельской унии представлена в коллективной монографии по истории Литвы, подготовленной авторским коллективом Института истории Литвы (на литовском языке – 1998 г., на польском языке – 2008 г.): Зигмонтасам Кяупай, Албинасам Кунцявичусам и Юрате Кяупеней [28].

Описывая события 1413 г., Ю. Кяупене, автор раздела по истории ВКЛ эпохи Ягайло и Витовта, обращает внимание на значимость унии в модернизации и европеизации литовского общества рассматриваемого периода [28, s. 149]. По мнению исследователя, Городельской унией были заложены основы будущего сближения литовской и польской шляхты, а адопция гарантировала принятым в польские гербовые роды представителям 47 родов литовского боярства привилегированное положение в обществе [28, s. 150]. Гербовая адопция характеризуется как осознанный символический акт, который был реализован великим князем литовским Витовтом и должен был доказать, что литовские бояре ничем не отличаются от дворянства в католических европейских странах. Учреждение сейма укрепляло формальные позиции литовской элиты, расширяло ее права и тем самым содействовало включению в политическую жизнь Польши. Ю. Кяупене пишет, что акт 1413 г. ограничивал православное боярство в продвижении по карьерной лестнице, приносил его роль в политической жизни княжества. Историк затрудняется ответить на вопрос, как долго просуществовал данный запрет, исключения же, которые существовали в реальной жизни, только подчеркивали правила [28, s. 162–163].

Характеризуя последствия унии, Ю. Кяупене акцентирует внимание на рецепции польских общественных и политических институтов в ВКЛ [28, s. 150].

У данного процесса были и негативные последствия. Исследователь пишет о слабой «отпорности» со стороны литовского боярства на влияние польской шляхты, что в итоге привело к унии 1569 г. [28, s. 150]. Что же касается процесса формирования шляхетства, то, по мнению Ю. Кяупене, ключевую роль здесь сыграли привилеи 1447 и 1492 гг., что позволяет говорить о едином сословии к концу XV в. [28, s. 164].

В современной белорусской историографии даются самые общие оценки итогов Городельской унии в общем контексте польско-литовских отношений XIV–XVI вв. и формирования шляхетского сословия ВКЛ. Программный характер в этом плане носят статьи доктора исторических наук, профессора Анатолия Грицкевича (1929–2015) – одного из крупнейших специалистов по истории шляхты ВКЛ [29; 30].

Концептуальное видение белорусскими историками уний ВКЛ и Польского королевства, оформившееся к настоящему моменту на уровне коллективного сознания научного сообщества, представлено энциклопедическими статьями, обобщающими академическими исследованиями. Следует признать, что трактовка и видение отечественными историками событий 1413 г. сегодня во многом несут на себе отпечаток предыдущей историографической традиции и нуждаются в более детальном изучении [31–34]. Так, оценивая Городельскую унию, доктор юридических наук, профессор, историк права Иосиф Юхо

(1921–2004) отмечает, что третий привилей, выданный от имени Ягайло и Витовта, «уяўляў сабой дакумент адкрытай каталіцкай агрэсіі і меў на мэце не саюз дзвюх дзяржаў, а ўмацаванне і пашырэнне каталіцызму...» [31, с. 91–92]. Вместе с тем исследователь считал, что прописанный в документе запрет «не католикам» занимать должности и принимать участие в заседаниях великокняжеской рады имел идеологический, а не практический характер, ибо доля представителей православной знати в органах управления и среди панов-рады в рассматриваемый период была достаточно значительной [33, с. 496].

Одно из возможных объяснений такого видения унии 1413 г. кроется в отсутствии в белорусской историографии обобщающих исследований как по истории ВКЛ в целом, так и по истории шляхты в частности. Монографию П. Лойко по истории шляхетского сословия второй половины XVI – первой трети XVII в., изданную в 2002 г., можно рассматривать как «первое приближение» такого рода исследования [35]. Монография Игоря Уварова, посвященная формированию сословных прав и привилегий шляхты XIV–XVI вв., представляет собой изложение общеизвестных сюжетов, где события 1413 г. описываются вскользь и в русле уже устоявшихся, весьма общих историографических оценок [36]. Аргументы, что в данном направлении активно работают в первую очередь польские историки, а также литовские ученые, вряд ли могут быть убедительными.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Результаты исследований современных польских, литовских, белорусских, украинских и российских историков систематизируют, обобщают и развивают достижения предшествующей историографической традиции (в первую очередь польской и литовской историографии XIX–XX вв.) в определении роли и значения унии 1413 г. в процессе формирования шляхты ВКЛ.

Значительный вклад в изучение проблематики на современном этапе внесли польские историки, перу которых принадлежат обобщающие монографические исследования по истории ВКЛ XIV–XVI вв.

Ученые сходятся во мнении, что акты Городельской унии и гербовая адопция являются од-

ними из ключевых этапов в длительном, растянувшимся на столетия процессе формирования привилегированного сословия ВКЛ. Вместе с тем данные сюжеты, как правило, не рассматриваются как самостоятельная историографическая проблема и выступают как часть более широкого исследовательского дискурса о причинах заключения унии, роли и значении событий 1413 г. в системе взаимоотношений ВКЛ и Польского королевства, их последствиях в дальнейшей судьбе двух государств.

Перспектива создания обобщающих исследований по истории шляхты ВКЛ в современной белорусской историографии видится как никогда актуальной.

Библиографические ссылки

1. Czerniecka-Haberko A. *Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek; 2013. 341 s.
2. Jučas M. *Lietuvos ir Lenkijos unija: XIV a. vid. – XIX a. pr.* Vilnius: Aidai; 2000. 391 p.
3. Błaszczak G. *Dzieje stosunków polsko-litewskich. Tom II: Od Krewa do Lublina. Część I*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2007. 935 s.
4. Шаланда А. Гарадзельскі прывілей 1413 г. і шляхецкая геральдыка ў ВКЛ. *Герольд Litherland*. 2003;3–4:42–47.
5. Шаланда А. «Гербавыя войны» паміж Польскім каралеўствам і Вялікім Княствам Літоўскім у кантэксце інтэграцыйных працэсаў (другая палова XVI ст.). У: Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Праблемы інтэграцыі*

і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–17 кастрычніка 2009 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: БІП-С Плюс; 2010. с. 117–134.

6. Полежаев СВ. Городельская уния: взгляд через шесть столетий. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. 544 s. *Исторический вестник*. 2014;7:242–253.

7. Kiaupienė J, Korczak L, sudarė. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas; 2013. 543 s. Co-published by the Polska Akademia Umiejętności.

8. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. Akta unii Polski z Litwą (1385–1791). Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności; 1932. 570 s. Co-published by the Towarzystwo Naukowe Warszawskie.

9. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarских zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413. *Lituanos-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. 1989;3:7–139.

10. Korczak L, redaktor. *Prace historyczne. Tomek 141. Unia horodelska 1413*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2014. 402 s.

11. Górzyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. 312 s.

12. Sochacka A. Możliwość polscy wobec unii horodelskiej. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2004;3:122–139.

13. Koczarska M. Twórcy unii horodelskiej. *Prace historyczne*. 2014;141(2):257–287. DOI: 10.4467/20844069PH.14.013.2741.

14. Wroniszewski J. Pieczęcie polskie przy dokumentach horodelskich w świetle polskiej średniowiecznej sfragistyki. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 145–159.

15. Frost R. *The Oxford History of Poland-Lithuania. Volume I. The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 564 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198208693.001.0001.

16. Rimša E. Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 211–254.

17. Korczak L. Horodło. Na drodze ku dziedzicznej monarchii Jagiellońskiej. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 57–69.

18. Банионис Э. Бояре Литвы и шляхта Польши в Городле в 1413 г. У: Караў ДУ, рэдактар. *Наш радавод. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатку XX стст.»*; 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г.; Гродна, Беларусь. Кніга 5. Частка 1. Гродна: Беларускі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі; 1993. с. 143–145.

19. Яковенко НМ. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття: Волинь і Центральна Україна. Київ: Критика; 2008. 469 с.

20. Пятраўскас Р. Літоўская значь у канцы XIV – XV ст. Склад – структура – улада. Мікус А, перакладчык. Смаленск: Інбелкульт; 2014. 386 с.

21. Petrauskas R. Związki personalne między możnowładztwem Polski i Litwy od końca XIV do połowy XVI wieku. W: Bukowski W, Jurek T, redaktory. *Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów redniowiecza i czasów wczesnonowoytnych. Tom 1*. Kraków: Societas Vistulana; 2012. s. 479–496.

22. Wroniszewski J. Adopcja horodelska w świetle praktyki adopcji herbowej w późnośredniowiecznej Polsce. W: Górzyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. s. 89–103.

23. Однороженко О. До питання про час польсько-литовського «гербового розбратання». *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2012;4(8):238–250.

24. Однороженко О. Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада. Київ: Темпора; 2011. 422 с.

25. Кром ММ. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* Москва: Квадрига; 2010. 326 с. Совместно с издательством «Объединенная редакция МВД России».

26. Бохан Ю, Галенчанка Г, Голубеў В, Дзярновіч А, Доўнар А, Іванова Л і інш. *Гісторыя Беларусі. Том 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Касцюк М, рэдактар. Мінск: Эксперспектива; 2008. 688 с.

27. Pietkiewicz K. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM; 1995. 256 s.

28. Kiaupa Z, Kiaupienė J, Kuncevičius A. *Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2008. 386 s.

29. Грыцкевіч АП. Беларуская шляхта. *Спадчына*. 1993;1:11–16.

30. Грыцкевіч АП. Шляхта Вялікага Княства Літоўскага да Люблінскай уніі 1569 г. *Годнасць*. 1993;1:16–27.

31. Юхо ЯА. *Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі*. Мінск: Універсітэцкае; 1992. 270 с.

32. Юхо ЯА. Гарадзельская унія 1413. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае Княства Літоўскае. Том 1*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 2007. с. 495.

33. Юхо ЯА. Гарадзельскі прывілей 1413. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае Княства Літоўскае. Том 1*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 2007. с. 495–496.

34. Доўнар Т. Гарадзельская унія 1413 года і яе наступствы. *Юстыцыя Беларусі*. 2013;8:73–74.

35. Лойка ПА. *Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст.* Мінск: БДУ; 2002. 99 с.

36. Уваров ИЮ. *Сословные права и привилегии шляхты Великого княжества Литовского (конец XIV – конец XVI столетий)*. Гомель: Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого; 2017. 276 с.

References

1. Czerniecka-Haberko A. *Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek; 2013. 341 s.
2. Jučas M. *Lietuvos ir Lenkijos unija: XIV a. vid. – XIX a. pr.* Vilnius: Aidai; 2000. 391 p.

3. Błaszczuk G. *Dzieje stosunków polsko-litewskich. Tom II: Od Krewa do Lublina. Część I*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2007. 935 s.
4. Shalanda A. [Horodlo act of 1413 year and nobility heraldry in Grand Duchy of Lithuania]. *Gerol'd. Litherland*. 2003; 3–4:42–47. Belarusian.
5. Shalanda A. «Heraldic wars» between the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania in the context of integration processes (the second half of the 15th century). In: Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Prablemy intjegracyi i inkarpacyi w razvicii Cjentral'noj i Ushodnjaj Ewropy w peryjad rannjaga Novaga chasu. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi; 15–17 kastychnika 2009 g.; Minsk, Belarus* [Problems of integration and incorporation in the development of Central and Eastern Europe in the early Modern period. Proceedings of the International scientific conference; 2009 October 15–17; Minsk, Belarus]. Minsk: BIP-S Plus; 2010. p. 117–134. Belarusian.
6. Polekhov SV. [Gorodelskaya Union: a look through six centuries. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. 544 p.]. *Istoricheskii vestnik*. 2014;7:242–253. Russian.
7. Kiaupienė J, Korczak L, sudarė. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas; 2013. 543 s. Co-published by the Polska Akademia Umiejętności.
8. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. *Akta unii Polski z Litwą (1385–1791)*. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności; 1932. 570 s. Co-published by the Towarzystwo Naukowe Warszawskie.
9. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarских zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413. *Lituano-Slavica Poznaniensia. Studia Historica*. 1989;3:7–139.
10. Korczak L, redaktor. *Prace historyczne. Tomek 141. Unia horodelska 1413*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2014. 402 s.
11. Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. 312 s.
12. Sochacka A. Możliwość polscy wobec unii horodelskiej. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2004;3:122–139.
13. Koczerska M. Twórcy unii horodelskiej. *Prace historyczne*. 2014;141(2):257–287. DOI: 10.4467/20844069PH.14.013.2741.
14. Wroniszewski J. Pieczęcie polskie przy dokumentach horodelskich w świetle polskiej średniowiecznej sfragistyki. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 145–159.
15. Frost R. *The Oxford history of Poland-Lithuania. Volume I. The making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 564 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198208693.001.0001.
16. Rimša E. Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 211–254.
17. Korczak L. Horodło. Na drodze ku dziedzicznej monarchii Jagiellońskiej. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 57–69.
18. Banionis E. [Bojars of Lithuania and nobles of Poland in the Horodlo in 1413]. W: Karaw DU, editor. *Nash radavod. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi «Čarkva i kul'tura narodav Vjalikaga Knjastva Litovskaga i Belarusi XIII – pachatku XX stst.»; 28 verasnja – 1 kastychnika 1992 g.; Grodna, Belarus*. Kniga 5. Chastka 1 [Nash radavod. Proceedings of the International scientific conference «The Church and Culture of the Peoples of the Grand Duchy of Lithuania and Belarus 13th – early 20th centuries»; 1992 September 28 – October 1; Hrodna, Belarus. Book 5. Part 1]. Hrodna: Belaruskij dzjarzhavny muzej gistoryi rjeligii; 1993. p. 143–145. Russian.
19. Yakovenko NM. *Ukrains'ka shlyakhta z kintsya XIV – do seredini XVII stolittja: Volin' i Tsentral'na Ukraina* [The Ukrainian nobility from the end of the 14th to the middle of the 17th century. Volhynia and Central Ukraine]. Kyiv: Kritika; 2008. 469 p. Ukrainian.
20. Petrauskas R. *Litojskaya znats' u kantsy XIV – XV st. Sklad – struktura – ulada* [Lithuanian nobility at the end of the 14th–15th centuries. Composition – structure – power]. Mikus A, translator. Smolensk: Inbelkult; 2014. 386 p. Belarusian.
21. Petrauskas R. Związki personalne między możnowładztwem Polski i Litwy od końca XIV do połowy XVI wieku. W: Bukowski W, Jurek T, redaktory. *Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów redniowiecza i czasów wczesnonowoczesnych. Tom 1*. Kraków: Societas Vistulana; 2012. s. 479–496.
22. Wroniszewski J. Adopcja horodelska w świetle praktyki adopcji herbowej w późnośredniowiecznej Polsce. W: Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. s. 89–103.
23. Odnorozhenko O. The issue of dating a Polish-Lithuanian «heraldic gap». *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2012; 4(8):238–250. Ukrainian.
24. Odnorozhenko O. *Ukrains'ka (rus'ka) elita dobi Seredn'ovichchya i rann'ogo modernu: struktura ta vlada* [Ukrainian (Russian) elite of the Middle Ages and early Art Nouveau: structure and power]. Kyiv: Tempora; 2011. 422 p. Ukrainian.
25. Krom MM. *Mezh Rus'yu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late 15th – first third of the 16th century]. Moscow: Quadriga; 2010. 326 p. Co-published by the «Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii». Russian.
26. Bohan Ju, Galenchanka G, Golubew V, Dzjarnovich A, Downar A, Ivanova L, et al. *Gistoryja Belarusi. Tom 2. Belarus' u peryjad Vjalikaga Knjastva Litovskaga* [History of Belarus. Volume 2. Belarus in the Great Duchy of Lithuania]. Kascjuk M, editor. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 688 p. Belarusian.
27. Pietkiewicz K. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM; 1995. 256 s.
28. Kiaupa Z, Kiaupienė J, Kuncevičius A. *Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2008. 386 s.
29. Gritskevich AP. [Belarusian nobility]. *Spadchyna*. 1993;1:11–16. Belarusian.
30. Gritskevich AP. [Nobility of the Grand Duchy of Lithuania before the Union of Lublin in 1569]. *Godnasc'*. 1993;1:16–27. Belarusian.
31. Juho JaA. *Karotki narys gistoryi dzjarzhavy i prava Belarusi* [A short history of state and law of Belarus]. Minsk: Universitjckae; 1992. 270 p. Belarusian.

32. Juho JaA. [Union of Gorodlo in 1413]. In: Pashkov GP, editor. *Vjalikae Knjastva Litovskae. Tom 1* [The Grand Duchy of Lithuania. Volume 1]. Minsk: Petrus Brovka Belarusian Encyclopedia; 2007. p. 495. Belarusian.
33. Juho JaA. [Gorodelsky privilege 1413]. In: Pashkov GP, editor. *Vjalikae Knjastva Litovskae. Tom 1* [The Grand Duchy of Lithuania. Volume 1]. Minsk: Petrus Brovka Belarusian Encyclopedia; 2007. p. 495–496. Belarusian.
34. Dovnar T. [Union of Horodło and its consequences]. *Justycyja Belarusi*. 2013;8:73–74. Belarusian.
35. Lojka PA. *Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI – pershaj trjeci XVII st.* [The nobility of the Belarusian Lands in the social and political life of the Commonwealth of the second half of the 16th – the first third of the 17th century]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 99 p. Belarusian.
36. Uvarov IYu. *Soslovnye prava i privilegii shlyakhty Velikogo knyazhestva Litovskogo (konets XIV – konets XVI stoletii)* [Class rights and privileges of the Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania (late 14th – late 16th centuries)]. Gomel': Sukhoi State Technical University of Gomel; 2017. 276 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.02.2021.
Received by editorial board 26.02.2021.